

Е.А. Вересова

ПРИВЛЕЧЕНИЕ КРЕСТЬЯН
К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХРАНЕНИЕ
И РАСПРОСТРАНЕНИЕ
НЕЛЕГАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ
В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.

В статье рассматриваются случаи и обстоятельства привлечения крестьян к ответственности за хранение и распространение нелегальных антиправительственных изданий в Тверской губернии в 1900–1904 гг. Исследуются мотивировка поведения обвиняемых крестьян, и карательная политика властей применительно к лицам, совершившим такие деяния.

Ключевые слова: самодержавие, крестьянство, политические настроения, революционное движение, нелегальные издания, карательная политика, полиция, политическая полиция, административная высылка, полицейский надзор, Тверская губерния.

Одной из форм сопротивления крестьян политике царских властей накануне революции 1905–1907 гг. являлось распространение ими нелегальных антиправительственных изданий. Революционные партии уделяли большое внимание пропаганде среди населения Тверской губернии в силу ее близости к Москве и Санкт-Петербургу.

Соответственно и учреждения политического розыска вели с этим борьбу. Случаи и обстоятельства привлечения крестьян к ответственности отражены в документах по обвинению их в хранении и распространении различных запрещенных изданий. В Государственном архиве Российской Федерации документация по обвинению тверских крестьян в данном преступлении содержится в фондах Уголовного отделения первого департамента Министерства юстиции и Департамента полиции Министерства внутренних дел¹. В Государственном архиве Тверской области данные материалы хранятся в фондах Канцелярии Тверского губернатора, Твер-

ского губернского жандармского управления, прокурора Тверского окружного суда².

Обвиняемые в распространении нелегальных изданий привлекались к ответственности по ст. 251 и 252 Уложения о наказаниях³.

Согласно ст. 251 Уложения о наказаниях, составление и распространение воззваний, сочинений, произнесение речей с целью возбудить к неповиновению верховной власти наказывалось лишением всех прав состояния и ссылкой на каторжные работы на срок от 8 до 10 лет. Виновные в составлении таких сочинений, но не избличенные в умышленном их распространении подлежали тюремному заключению от 1 года и 4 месяцев до 2 лет и 8 месяцев, с лишением ряда прав и преимуществ. Лица, имевшие у себя запрещенные сочинения и изображения, но не избличенные в их распространении, подвергались аресту от 7 дней до 3 месяцев, а затем могли быть отданы под надзор полиции от 1 года до 3 лет.

Ст. 252 гласила, что за составление и распространение сочинений, а также произнесение речей, порицавших образ правления и порядок наследования престола, виновные наказывались ссылкой на каторжные работы на срок от 4 до 6 лет. Виновные в составлении преступных сочинений, но не избличенные в их умышленном распространении подвергались заключению в крепости от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев. Имевшие у себя такие сочинения, но не избличенные в их умышленном распространении, подвергались аресту от 7 дней до 3 месяцев, а затем могли быть отданы под надзор полиции от 1 года до 3 лет.

К обвиняемым соответствующие статьи Уложения о наказаниях применялись административным порядком без суда по соглашению с Министерством юстиции и внутренних дел. Согласно закону от 7 июля 1904 г., избличение лишь в хранении запрещенных изданий без цели их распространения объявлялось ненаказуемым⁴.

Должностные лица полиции доносили о случаях нахождения нелегальных изданий тверскому губернатору и начальнику губернского жандармского управления, который отдавал распоряжение о производстве дознания. Оконченное производством дознание направлялось начальнику Тверского губернского жандармского управления и прокурору Тверского окружного суда. Об обстоятельствах дела сообщалось в Департамент полиции и прокурору Московской судебной палаты⁵.

В материалах содержатся уведомления о возбуждении и окончании дознания, само дознание, проводимое чинами полиции. В некоторых делах есть анкета, содержащая фамилию, имя, отчество обвиняемого, возраст, место жительства, род занятий. Про-

токолы допросов свидетелей и обвиняемых, как и установленная мера наказания присутствуют не во всех делах. В ряде дел имеются протоколы обысков у обвиняемых и осмотра изъятых нелегальных изданий с изложением их содержания, проводившихся приставами в присутствии понятых.

В ГАТО за период 1901–1904 гг. выявлено 45 дел о хранении и распространении крестьянами запрещенных изданий: 1901 г. – 2 дела, 1902 г. – 4, 1903 г. – 8, 1904 г. – 31⁶. Таким образом, число фактов обвинения крестьян в данном преступлении значительно возросло накануне революции 1905–1907 гг., хотя в целом их количество является незначительным. Наибольшее число материалов хранится в фонде Тверского губернского жандармского управления – 36.

Количество обвиняемых в изученных делах составило 75 человек. Большинство из них (81%) проживали в центральных уездах губернии, характеризовавшихся развитием отхожих промыслов: в городе Твери и Тверском уезде – 60%, Новоторжском – 14,5%, Старицком – 6,5%. Не выявлено случаев обвинения крестьян из западных Осташковского, Ржевского уездов и восточных Корчевского, Калязинского уездов. Восприимчивость крестьян к революционным идеям, изложенным в нелегальных изданиях, зависела и от уровня их грамотности. Так, Тверской и Новоторжский уезды отличались наибольшей грамотностью жителей в губернии, а Осташковский и Ржевский – наименьшей.

Род занятий указан у 64 обвиняемых, что составляет 85,5% от их числа. Большинство из них работали на заводах и фабриках в городах – 70%; крестьянским хозяйством и различными промыслами занимались 19%; служащие и новобранцы составили 11%. Данные сведения позволяют говорить о том, что запрещенные издания в основном приносились в деревню из города крестьянами-отходниками. Об этом также свидетельствует значительное количество обвиняемых из уездов, отличавшихся развитым отходом крестьянского населения на заработки.

Возраст указан у 42 обвиняемых, или 56% от их числа. Молодые люди до 29 лет составили 85,5%, от 30 до 50 лет – 12%, старше 50 лет – 2,5%. Высокий процент среди обвиняемых людей молодого возраста вызван их большей восприимчивостью к новым идеям и взглядам по сравнению с людьми зрелыми, имеющими устоявшиеся жизненные позиции. Трудоспособное молодое население чаще уходило на заработки в крупные города и, следовательно, больше было подвержено влиянию революционных идей.

Подавляющее большинство обвиняемых крестьян моложе 30 лет работали на фабриках и заводах или занимались промыс-

лами – 75%, крестьянское хозяйство было основным занятием 14%, иными видами деятельности занимались 11%. В возрастной категории от 30 до 50 лет также преобладали отхожие промысловики – 60%, хлебопашество являлось основным занятием 40%. Род занятий крестьян старше 50 лет в делах не приводится.

Объяснения фактов нахождения или чтения нелегальных изданий приводятся 46 обвиняемыми, что составляет 61% от их числа. Чаще крестьяне не признавали себя виновными (83% от числа обвиняемых, объяснения которых приведены в делах), а их объяснения были следующими: использовал издание как бумагу для курения и не читал; нашел на улице. Было также и упорное отрицание вины. Однако некоторые признавались в распространении нелегальных изданий: они составили 17%. Полицейские находили нелегальную литературу у крестьян, доставленных в полицейское управление в нетрезвом виде – 9 человек, или 12% от общего числа обвиняемых.

Так, в 1901 г. крестьянин деревни Володино Никулинской волости Тверского уезда Василий Максимов Жуков, работавший ткачом на фабрике Морозова, был задержан городовым на улице в нетрезвом виде и доставлен в канцелярию полицейского надзирателя. При обыске у него нашли брошюру РСДРП «Майские дни в Харькове». Василий Жуков пояснил, что книгу купил для верчения папирос и на оглавление не смотрел. За крестьянином было установлено полицейское наблюдение⁷.

В 1902 г. директор ткацкой фабрики Товарищества Тверской мануфактуры доставил полицейскому надзирателю брошюру, изданную социал-демократической группой «Свобода», и заявил, что она была отобрана у ткача Василия Дмитриева, читавшего ее во время работы. Тот не хотел отдавать брошюру, и пришлось отобрать ее силой. Крестьянин села Пречистый Бор Первитинской волости Тверского уезда Василий Дмитриев объяснил, что брошюру нашел в казарме и не отдавал потому, что хотел дочитать. Крестьянин был взят под особый надзор полиции⁸.

В 1904 г. крестьянин Тредубской волости Старицкого уезда Алексей Федотов Кузнецов при допросе показал, что привез из Твери прокламации и раздавал крестьянам. Однако крестьяне, видя, что листовки антиправительственные и в них одобряется убийство министра внутренних дел, рвали их⁹.

В ряде случаев крестьяне не признавали вину, даже если изобличались свидетельскими показаниями. Примером является дело 1904 г. по обвинению крестьянина деревни Дьяково Первитинской волости Тверского уезда Федора Горячева, работавшего на фабрике в Твери. Обвиняемый крестьянин был задержан жандармским

офицером, когда разбрасывал в прядильном отделении фабрики воззвание Тверского комитета РСДРП «Жертвуйте, русские люди». Очевидцы подтвердили обвинение. В указанном воззвании говорилось, что война с Японией выгодна фабрикантам, чиновникам и дворянам, но не рабочим, которых «голодная смерть манит пальцем». Мера административного наказания – арест на 2 месяца¹⁰.

Применяемые меры наказания указаны для 49 обвиняемых, что составляет 65% от их числа. В случае недоказанности намерения крестьян распространить нелегальные издания дела производством прекращались. Следствие было прекращено в отношении 23 крестьян, что составляет 47% от числа обвиняемых, мера наказания которых указана; к ответственности привлечено 53%. Полицейский надзор был установлен за крестьянами в 16 случаях, что составляет 33% от числа обвиняемых, мера наказания которых указана; тюремному заключению подверглись 4 человека, или 8%; к высылке в Вологодскую, Архангельскую и Олонецкую губернии приговорены 3 человека, или 6%; столько же подверглись денежному взысканию.

По результатам расследования, обвиняемых крестьян можно разделить на две группы в соответствии с мотивировкой их действий.

Первая: осознанное хранение и распространение изданий (54 обвиняемых, что составляет 72% от их общего числа). В данных случаях из свидетельских показаний следует, что обвиняемые умышленно пытались распространить нелегальные издания (раскладывали прокламации на фабриках или предлагали для чтения запрещенные книги). Однако даже в этих случаях большинство обвиняемых не признали вину.

Вторая: неосознанное хранение нелегальных изданий (21 обвиняемый, или 28%). В таких случаях запрещенная литература попадала к обвиняемым случайно, и их намерение ее распространить в делах не прослеживается.

Пример осознанного хранения и распространения запрещенных изданий имеется в деле 1901 г. по обвинению крестьянина деревни Борок Новинской волости Тверского уезда Федора Михайлова, рабочего мануфактуры Морозовых. Старший смотритель ткацкого отделения мануфактуры Морозовых Степан Гаврилов заявил, что Федор Михайлов, находясь в питейном заведении, вел разговор о том, что он социалист и предлагал ему посмотреть книгу, но Степан Гаврилов передал ее жандарму. Однако допрошенные в ходе следствия знакомые обвиняемого показали, что книг для чтения он им не предлагал и преступных разговоров не вел. Федор Михайлов объяснил, что на улице купил бумагу для курения. Разбирая листы дома,

увидел вложенную книгу. Начал ее читать, но не дочитал, так как она ему не понравилась. Дело прекращено, поскольку не было доказано намерение обвиняемого распространить брошюру среди рабочих¹¹.

Пример неосознанного хранения запрещенных изданий имеется в деле 1904 г. по обвинению крестьянина Старицкого уезда Дарской волости села Леонтьево Андрея Михайлова, у которого полицейский обнаружил папиросы, свернутые из прокламаций. Андрей Михайлов объяснил, что листки нашел на улице, прочитал и понял, что они нехорошие, и решил изрезать на папироски. Мера наказания не указана¹².

Доказать факт умышленного распространения обвиняемыми крестьянами запрещенных изданий следствию было сложно, поскольку, даже имея такое намерение, многие из них отрицали вину.

Тексты брошюр, листовок, прокламаций и передача их содержания в протоколах приведены в 12 случаях, что составляет 26,5% изученных дел. В них указывалось на тяжелое положение народа, критиковалась политика правительства, а заканчивались они политическими лозунгами, самый распространенный из которых – «Долой самодержавие!».

В 1903 г. крестьянин Константин Игнатов, работавший ремесленником в Твери, передал рядовому Николаю Железнову нелегальные сочинения партии социалистов-революционеров с целью распространения среди товарищей. Брошюры были посвящены тяжелому положению рабочих и необходимости организации стачек, отмечалась важность борьбы с целью захвата власти. Константин Игнатов признал себя виновным в распространении изданий. Мера наказания не указана¹³.

У крестьянина Тверского уезда Никулинской волости деревни Андрейкова Ивана Ильина было найдено воззвание, осуждавшее войну с Японией. Главной причиной поражений России в войне называлось казнокрадство и отмечалось, что при самодержавии, «основанном на безгласности народа и господстве бюрократии», улучшений не будет¹⁴.

Участники революционной деятельности в Тверской губернии А.В. Голодаев, М.А. Вейденбаум отмечали, что неудачи самодержавия в Русско-японской войне позволили пропагандистам найти хороший подход к населению и дали богатую пищу для развития революционного движения, поскольку подрывали доверие к правительству¹⁵.

А.Д. Балашов в воспоминаниях о революционной деятельности в Твери в 1902–1903 гг. писал, что нелегальная литература для большинства рабочих и крестьян была непонятна. При этом «на

крестьян хорошо влияло, когда говорилось о земле, но они были против свержения царя»¹⁶.

Крестьяне обвинялись и в участии в антиправительственных демонстрациях. Такая демонстрация прошла в Твери 23 февраля 1904 г. Днем на улице Миллионной собралось около 200 человек. Некоторые из них разбрасывали прокламации и несли красные флаги. Раздавались крики «Долой самодержавие!». Среди участников демонстрации преобладали рабочие. О случившемся было доложено министру юстиции. По распоряжению губернатора для поддержания порядка в город были направлены отряды драгун. В представлении прокурора Тверского окружного суда отмечалось, что в ночь с 22 на 23 февраля 1904 г. на улице Красной слободы было обнаружено около 600 прокламаций, что расценивалось как подготовительная к демонстрации мера¹⁷.

Полиция задержала нескольких участников демонстрации, в том числе крестьян. В ходе обысков в домах задержанных существенных улик не было обнаружено. Обвиняемые не признали вину, говоря, что в демонстрации не участвовали: видели толпу людей, но к ним не присоединялись. Показаниями свидетелей (городовых и унтер-офицеров) факт участия задержанных в демонстрации не был доказан. Выяснилось, что некоторые из них были задержаны потому, что шли по улице ускоренным шагом. Обвиняемые были отданы под особый надзор полиции¹⁸.

В целом, случаи привлечения крестьян к ответственности за хранение и распространение нелегальных изданий свидетельствуют о ведении революционерами пропагандистской деятельности среди населения, в основном среди рабочих заводов и фабрик города Твери, многие из которых являлись выходцами из крестьян. Особенно активно такая деятельность велась накануне революции 1905–1907 гг.

Нелегальные издания в основном приносились в деревню крестьянами, занимавшимися отхожими промыслами в городах и более подверженных влиянию революционных идей. В количественном отношении крестьяне, занимавшиеся отхожими промыслами, втрое превышали число обвиняемых, занимавшихся сельским хозяйством.

Привлеченные к ответственности крестьяне в большинстве случаев не признавали вину и старались оправдаться. Однако из материалов дел следует, что крестьяне осознанно стремившиеся распространить запрещенную литературу, составляли значительное количество – 72%.

Материалы изученных архивных дел свидетельствуют как о том, что доказать вину обвиняемых было делом достаточно сложным, так и об относительно снисходительном отношении

к ним губернских и полицейских властей в целом, особенно по сравнению с нормами Уложения о наказаниях. Рассматриваемая форма выражения протестных настроений, вероятно, считалась властями относительно неопасной: к ответственности в административном порядке были привлечены чуть более половины обвиняемых, а строгому наказанию – тюремному заключению – подверглись лишь 8%.

Изученные материалы свидетельствуют о довольно умеренном распространении среди сельского населения Тверской губернии революционных идей. Рассматриваемые протестные настроения в 1900–1904 гг. не являлись основной формой выражения крестьянами недовольства политикой самодержавия.

Примечания

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 124. Оп. 10. Д. 398, 399; Оп. 11. Д. 700, 701, 702, 1824, 1825; Оп. 13. Д. 423, 428, 2397; Ф. 102. Особый отдел. Оп. 230. Д. 360. Ч. 23; Оп. 232. Д. 4. Ч. 14, Д. 5. Ч. 14.
- ² Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 56. Оп. 1; Ф. 927. Оп. 1; Ф. 524. Оп. 2.
- ³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1910. С. 308–309.
- ⁴ ГАТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 717. Л. 21.
- ⁵ Там же. Д. 563, 673.
- ⁶ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 12579, 12749, 28651, 28654; Ф. 524. Оп. 2. Д. 18, 20, 123, 125, 135; Ф. 927. Оп. 1. Д. 538, 539, 563, 595, 615, 622, 641, 665, 670, 673, 675, 686, 687, 692, 708, 711–713, 717, 719, 720, 725, 730, 731, 734, 736, 738, 739, 741, 744, 745, 761, 763, 767, 770, 771.
- ⁷ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 399; ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 28651.
- ⁸ ГАТО. Ф. 524. Оп. 2. Д. 18.
- ⁹ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 12579.
- ¹⁰ Там же. Ф. 927. Оп. 1. Д. 708; Ф. 524. Оп. 2. Д. 141.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 398; ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 12749.
- ¹² ГАТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 719.
- ¹³ Там же. Ф. 524. Оп. 2. Д. 123.
- ¹⁴ Там же. Ф. 927. Оп. 1. Д. 739.
- ¹⁵ Тверской центр документации новой и новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 114. Оп. 2. Д. 41. Л. 3; Д. 29. Л. 7.
- ¹⁶ Там же. Д. 12(а). Л. 3.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 13. Д. 423. Л. 2.
- ¹⁸ Там же. Д. 423; ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 2. Д. 29.